
ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

*К. А. Абульханова-Славская, А. Н. Славская,
Е. А. Леванова, Т. В. Пушкарева*

Теория личности Б. Г. Ананьева

Выдвинув проблему человекознания, Б. Г. Ананьев, так же как и С. Л. Рубинштейн, неявно и на другом, более психологическом, уровне дал критику ставшего классическим положения о трех составных частях марксизма — природе, обществе, мышлении. Специфика ананьевского подхода к личности заключается в двух кардинальных позициях. Он рассматривает проблему личности с позиций комплексного подхода к человеку, в контексте человекознания, во-первых; саму личность он определяет во времени жизненного пути, во-вторых.

Ключевые слова: антропология, деятельность, комплексное исследование человека, личность, теория личности.

Концепция личности, предложенная Б. Г. Ананьевым, расположена на пересечении множества биологических, социальных, педагогических, исторических и социокультурных координат. Этими координатами охвачено огромное теоретико-методологическое пространство, которое может быть обозначено его словами: «новое синтетическое человекознание». В постановке проблемы комплексного изучения человека он не был первооткрывателем. В. М. Бехтерев, создавший в начале XX века Санкт-Петербургский психоневрологический институт — первый университет в царской России, включил в его научную программу *два основных направления — антропологию и психоневрологию человека*. Именно в этом институте были заложены теоретические основы и выработан практический опыт *комплексного изучения человека*.

Выдвинув проблему человекознания, Б. Г. Ананьев, так же как и С. Л. Рубинштейн, неявно и на другом, более психологическом, уровне дал критику ставшего классическим положения о трех составных частях марксизма — природе, обществе, мышлении. *В этих составляющих не было человека!* Нельзя не учитывать того, о чем говорилось выше, что философская антропология считалась немарксистским учением. Сконцентрировав внимание на ряде актуальных и практически значимых направлений науки — необходимости решать проблемы воспитания, необходимости заменить понятие рабочей силы понятием человека, необходимости соразмерять растущие темпы технического прогресса с возможностями человека, он вывел «на свет» проблему человека как общее основание всех этих конкретных проблем.

Актуализация проблемы человека в период оттепели отвечала новому этапу развития наук. Назрела необходимость выделить проблему человека в разных, разобобщенных областях гуманитарного, технического и естественного знания. К этому времени в разных научных контекстах и аспектах стало употребляться понятие «человеческий фактор» (фактор, играющий роль в техническом прогрессе, в социальных процессах, которые до того рассматривались безлично, бессубъектно). Возникла потребность в интеграции разных областей знания, на стыке которых обнаруживались самые сложные проблемы. Б. Г. Ананьев в качестве основной назревшей проблемы современного знания выдвигает не только задачу комплексного исследования, но и проблему *комплексного исследования человека*. Б. Г. Ананьев, обобщая все эти тенденции, вместо понятия «человеческий фактор» смело вводит понятие «человек». Осуществлению такого важного гражданского и научного шага содействовала актуализация науковедческих проблем комплексных исследований, которые оказались в центре внимания XVIII Международного психологического конгресса (Москва, август 1966 года).

Ж. Пиаже в своем докладе «Психология, междисциплинарные связи и система наук» [3, с. 7] справедливо отметил, насколько успешно развиваются междисциплинарные связи между физикой и математикой и насколько незначительна интеграция общественных наук о человеке. Центральным тезисом доклада явилась мысль, что в роли интегратора, медиатора всех наук может выступить психология, которой он отвел центральное место в своей классификации. Пиаже указал на зависимость психологии от множества наук, но одновременно подчеркнул, что лишь она одна может овладеть структурой реальности благодаря воздействию организма на объекты, поскольку только она изучает эту деятельность в развитии. Б. Г. Ананьев, присоединяясь к мнению Пиаже, подчеркнул, что современная психология уже настолько развита, что имеет множество конкретных направлений, каждое из которых по-своему, но совсем непосредственно связывает ее с другими науками. Пиаже и Ананьев высказали глубокую мысль о нелинейном характере связей психологии с другими науками, поскольку они строятся по разным основаниям: по объекту, по генезису знаний и по методам исследования.

Сходную схему классификации наук по месту в ней психологии предложил отечественный философ Б. М. Кедров. Это совпадение позиций ученых сделало общепризнанной идею о месте психологии в системе наук. Однако если Пиаже ставил знак равенства между деятельностью субъекта и организмом (отсюда опора психологии на биологию), то Ананьев связывал и судьбу психологии, и задачу комплексирования наук с проблемой человека. Кедров определял понятие человека через понятия общества и мышления, но Ананьев считал, что Кедров недостаточно и аморфно учитывал функции естествознания и достижения технических наук.

Таким образом, предлагая более полный комплекс наук, интегрирующихся вокруг проблемы человека, Ананьев высказывает следующий оригинальный взгляд в такой формулировке: «...гуманизация многих областей знаний, впервые подступающих к исследованию человека, характеризует явление генерализации антропологических подходов во всей системе наук» [1, с. 200].

Трудно сказать, насколько, общаясь с С. Л. Рубинштейном, Б. Г. Ананьев был знаком с его замыслом книги «Человек и мир». Даже если это было так, оба психолога шли к постановке проблемы человека совершенно разными путями, доказывая ее значимость: один — собственно философско-методологическим, другой — методолого-научно-ведческим способом. Именно поэтому, несмотря на то что они оба сформулировали новую парадигму, позволившую отечественной психологии перейти на новый уровень своего развития, каждый из них в своей концепции был оригинален.

Характеризуя теорию личности Б. Г. Ананьева, можно понять и меру ее разработанности, и характер трактовки, учитывая всю грандиозность замысла Ананьева, охватывающего как самый широкий макроконтент, так и реализацию потребности с максимальной степенью конкретности проработать все научные направления, все аспекты проблемы человекознания. Ананьев с коллективом своих сотрудников приступил к реализации трехуровневой задачи — *методологического* определения человекознания, *теоретической* проработки принципов, по которым могут строиться разные связи разных качеств внутри комплекса наук о человеке, в частности в психологии, наконец, к *экспериментальным* исследованиям многочисленных, многоуровневых, прямых и обратных связей различного рода психофизиологических, биологических, собственно психических, социально-психологических и других явлений (во множестве их модальностей).

Организационным центром решения этой задачи был факультет психологии Ленинградского государственного университета, руководимый Б. Г. Ананьевым, в котором одновременно существовал Институт комплексных социальных исследований. Можно заметить, что задуманное Ананьевым комплексное исследование по своему масштабу требовало привлечения гораздо большего числа ученых и более длительного периода времени. Но эти исследования продолжались более десятилетия. В 1972 году Б. Г. Ананьев скончался в шестидесятипятилетнем возрасте, вложив в свой труд уровень интенсивности и напряженности, равный нескольким человеческим жизням. К сожалению, даже весь его коллектив, включавший талантливых ученых, не смог продолжить это исследование на том уровне интеграции и дифференциации, который был задан Б. Г. Ананьевым.

Однако, обращаясь к его постановке проблемы личности, можно сказать, что его заслугой явилось ее включение в интегральную проблему человекознания. Здесь присутствуют в единстве и собственно антропологический, и исторический, и онтогенетический (и более конкретно — воз-

растной), и биографический, и социальный, и педагогический аспекты рассмотрения проблемы личности.

Специфика ананьевского подхода к личности заключается в *двух кардинальных позициях*. Он рассматривает проблему личности с позиций комплексного подхода к человеку, в контексте человекознания, во-первых; саму личность он определяет во времени жизненного пути, во-вторых.

Эти две кардинальные позиции сразу дали ему методологическую возможность преодоления ограниченности и заикленности большинства психологов на проблемах *структуры личности*. При всем *разнообразии трактовок* структуры личности [рассматривалась ли эта структура как субординационная (иерархическая) или координационная (ортогональные, то есть не зависящие или неоднозначно зависящие друг от друга составляющие)] она оказывалась реально или идеально проводимым контуром, отграничивающим личность от ее связей с миром, от ее взаимодействия с ним. Тем самым исключалось понимание личности как функциональной системы, функционирующей в особом времени и пространстве.

Весьма возможно, для того чтобы не затрагивать критическими суждениями своих соотечественников, Б. Г. Ананьев рассматривает принципы построения структур личности Р. Кеттелла и Г. Айзенка, обозначая первую как координационную (иерархическую). Очень важно отметить, что тем самым он вскрывает *общую методологию* отечественных теорий структуры и зарубежных теорий личностных «черт». Он подводит общее методологическое основание при рассмотрении тех и других. При этом считает, что структуру личности нужно строить на основе обоих принципов — координационного и субординационного, фактически он добавляет к этим двум и третий принцип, который был разработан применительно к характеристике мышления Дж. Гилфордом, а он формулируется Б. Г. Ананьевым как методологический — соотношение конвергентных и дивергентных тенденций в структуре и развитии личности, то есть линейных и нелинейных («веерных») связей в ее структуре. Нетрудно заметить, что критическое переосмысление различных трактовок структуры личности, выделение их существенных характеристик и их новое сочетание фактически выводит Ананьева за пределы структурного и подводит к системному пониманию личности.

Одновременно он необыкновенно глубоко проанализировал практически все взгляды отечественных психологов на структуру личности и, став одним из инициаторов важнейшего симпозиума по проблемам личности, принял активное участие в дискуссии о ее структуре. Он неявно критикует авторов структурных теорий личности, принимавших участие в симпозиуме по проблемам личности 1969 года, отмечая исключительную продуктивность теории Мясищева, *определившего личность через отношения*. В вопросе о структуре личности Б. Г. Ананьев занимал очень глубокую позицию, отличавшуюся от изложенного выше ее понимания многими психологами. Судя по его комментариям

концепции В. Н. Мясищева, для него структурная характеристика личности есть лишь один из параметров ее единства и интегральности. Таким образом, для него не был главным вопрос о соотношении составляющих в этой структуре, и тем более он не рассматривал структуру как отгораживающую личность от внешнего мира, как ее «границу», пространственный контур.

Ананьев впервые переходит от определения личности через ее структуру к ее рассмотрению как системы, в свою очередь вписанную в систему общества. (Хотя представление об иерархическом характере развития личности уже было предложено В. Н. Мясищевым.) Свой критический пафос он обращает совершенно справедливо против характерной для отечественных психологов 60-х годов тенденции сосредоточиться вокруг структуры личности (и ограничиться ею). «С историческим подходом к личности и ее психической деятельности связаны ведущиеся психологами онтологические поиски путей построения теории личности “во времени” в противовес чисто структурным ее определениям, абстрагированным от реального временного протекания ее жизненного цикла» [2, с. 22]. Такие попытки, отмечает он, начались еще в 20–30-х годах прошлого века, но в методологическом отношении они представляются современному исследователю крайне несовершенными.

Из двух наиболее интересных попыток обозреть психологическую эволюцию личности в реальном временном протекании, «соотнести возрастные фазы и биографические ступени жизненного пути, связать биологическое, психологическое и историческое время в единой системе координат» он, прежде всего, отмечает теорию П. Жане, положившего начало созданию *генетической теории личности*. Другую концепцию — психологической эволюции личности Ш. Бюлер — он считает основополагающей при изучении жизненного цикла и генетических связей между его фазами.

Ниже мы специально остановимся на принципиальном отличии структурных теорий от теории отношений В. Н. Мясищева. Здесь важно отметить, что Б. Г. Ананьев, не отрицая роли структурного подхода к личности, считал, что нельзя изначально идти от структуры к каким-либо другим контактам или способам взаимодействия, а наоборот: необходимо методологически определять ее, идя от макроконтекста — проблем человека и человекознания и социального контекста — системы общества. Ананьев назвал личность системой, вписанной в систему общества.

Если эти контексты образуют методологическое пространство, в котором определяется личность как конкретный способ бытия человека, то контекст *жизненного цикла* — это время, вне которого не может быть раскрыта сущность личности — ее становления, изменения, развития.

Иными словами, Ананьев развивает *генетическую теорию личности*, обозначая ее как генетическую персоналистику или социоперсоналистику. Личностное время для Ананьева не ограничивается прохождением определенных возрастных стадий, при этом он не отрицал роли последних. В этом смысле

его теория отличается от чисто онтогенетических концепций, раскрывающих специфику возрастной периодизации жизни, при этом не отрицается роль последней. Возрастная периодизация дополняется периодизацией (сменой) способов воспитания, видов деятельности, изменениями в зрелом возрасте ролевых, статусных позиций, карьерой и т. д. Но эти периодизации не просто суммируются. Крайне важным моментом в концепции Ананьева являются указания на своеобразное взаимодействие возрастной эволюции человека и его жизненного пути. Это взаимодействие он характеризует следующим образом: «Влияние жизненного пути человека и меры его активности на ход онтогенетической эволюции в период старения неизмеримо больше, чем в ранние годы» [1, с. 180]. Тем более это относится к зрелым годам, время — пространство которых расширяются с расширением диапазона *зрелостных изменений* как результата профессиональной, социальной и личностной активности человека. Ананьев рассматривает время жизни личности как совпадающее с определенной конкретно-исторической эпохой, выделяя качество личности как *современника своей эпохи*, то есть связь с современными ей условиями. На этой основе он дает первое основание периодизации жизненного цикла; его фазы, согласно Ананьеву, датируются:

- историческими событиями;
- сменой способов воспитания;
- изменениями в образе жизни и системе отношений личности;
- изменениями ценностей, жизненных программ — целей и смысла жизни, которыми владеет личность.

Однако наиболее принципиальной является не характеристика этих моментов, определяющих смену жизненных фаз, а то, что Б. Г. Ананьев отмечает внутреннюю противоречивость развития личности — неравномерность, гетерохронность смены ее состояний, которая влияет на ее онтогенетическую эволюцию. Следует заметить, что Ананьев одним из первых вводит в оборот психологической науки противоречия, рассматривая их применительно к личности. Он рассматривает их в двух аспектах. **В первом**, упомянутом выше, — как противоречивость развития личности, имея в виду неравномерность развертывания во времени жизни фаз, этапов развития. **Во втором аспекте** Б. Г. Ананьев вводит противоречие в самую «сердцевину» личности — в определение ее характера, а фактически, тем самым, — и самой личности. Следует отметить, что здесь впервые после педологии, реализовавшей психосоциальный подход, социальная детерминация личности рассматривается не схоластически, а конкретно, то есть в связи с событиями, изменениями, спецификой исторического времени.

«События в жизни отдельного народа и всего человечества (политические, экономические, культурные, технические преобразования и социальные конфликты, научные открытия и т. д.) определяют даты исторического времени и конкретные системы его отсчета... Психологическое изменение структуры

личности, ее характера и таланта уже не мыслимо вне категории исторического времени» [1, с. 184]. Этот подход Б. Г. Ананьев называет *исторической психологией*. Как отмечалось выше, это своеобразная теоретизация психосоциального подхода, при котором учитываются не только абстрактные механизмы изменений личности, но и ее развитие как *реальной личности*, живущей в реальном конкретном историческом времени и пространстве. Б. Г. Ананьев не имел возможности осуществить лонгитюдальное изучение реальных личностей своих современников в силу ограниченности времени и грандиозности масштабов его исследования. Он сосредоточился на решении более глобальной задачи: проследить все закономерные (прямые и обратные, иерархические и т. д.) связи и зависимости биологического, психофизиологического, интеллектуального, праксиологического развития человека. Однако в его идее исторической психологии было важно требование учета конкретности социальной детерминации личности (в отличие от ее глобального понимания), понятия поколений, их связи и определение современника своего поколения. Но подчеркивание Ананьевым роли исторических событий невольно привело его к *принципу квантования жизненного пути в единицах событий*, хотя этот принцип и не был единственным в его многогранной концепции.

Можно отметить определенное сходство теории Ананьева с концепцией Э. Эриксона, который также подчеркивал чрезвычайную значимость психосоциального подхода. Б. Г. Ананьев писал: «...определить основные моменты становления, стабилизации и финиша личности можно лишь путем сопоставления сдвигов по многим параметрам развития человека: гражданскому состоянию, экономическому положению, семейному статусу, совмещению, консолидации или разобщению социальных функций (ролей, характера ценностей и их переоценки в определенных исторических обстоятельствах), смене среды развития и коммуникации, конфликтным ситуациям и решению жизненных проблем, осуществленности или неосуществленности жизненного плана, успеху или неудаче, триумфу или поражению в борьбе» [1, с. 302].

Характеризуя *биографический метод* (Ананьев считал его основным для изучения жизненного цикла), он отмечал также, что этим методом удастся выявить характер основных *событий, конфликтов, продуктов и ценностей*, развертывающихся на протяжении жизни человека в данных общественно-исторических условиях.

Таким образом, в соответствии с парадигмой комплексного подхода к человеку Ананьев разрабатывает комплексную модель жизненного цикла, включая в нее:

- *онтогенетическую периодизацию*;
- генетический подход к эволюции общественного индивида;
- *праксиогенез*, то есть историю развития деятельности.

Более конкретно праксиогенез Ананьев характеризует как сменяющую друг друга совокупность *отношений к деятельности*. Иными словами,

Б. Г. Ананьев, что крайне существенно, рассматривает не тождество личности и деятельности, а *отношение личности* к последней, имея в виду под деятельностью не психические, а ее объективированные формы. Здесь взгляды Ананьева совпадают с идеей Мясищева, который выделил отношение к деятельности, имея в виду труд. В своем объективном качестве деятельность выступает как труд, как общественно необходимая деятельность.

Вторую, не менее оригинальную модель жизненного цикла Б. Г. Ананьев характеризует в понятиях, на первый взгляд далеких от психологии (понятиях, принятых в спортивной терминологии), — старта и финиша, добавляя к ним, однако, центральную с точки зрения личностной категории кульминации. Под *стартом* Ананьев имеет в виду начало самостоятельной профессиональной жизни. «Но как бы ни варьировали сроки включения человека в общественную жизнь в качестве самостоятельного деятеля, сам факт *начала деятельности* имеет фундаментальное значение для жизненного пути. Все предшествующее развитие (от рождения до зрелости) совпадает с последовательной сменой ступеней воспитания, образования и обучения формирующегося человека» [1, с. 144]. Но это — лишь подготовительная фаза жизненного пути человека.

Здесь следует отметить два момента: *во-первых*, в выделении времени (а не способа) включения личности в трудовую деятельность он фактически присоединяется к бюлеровскому событийному подходу; *во-вторых*, сравнивая анализ Ананьевым периода перехода к профессиональной деятельности с концепцией Э. Эриксона, следует отметить большую детальность и реалистичность последней в раскрытии личностной сущности этого периода. Эриксон считает, что соизмерение своих, еще мало осознанных способностей со спецификой не профессиональной деятельности, а подготовительного к ней этапа профессионального образования — задача чрезвычайной сложности. Юноша еще очень слабо представляет себе будущую профессию и то, насколько данное учебное заведение подготовит его именно к желаемой деятельности. Именно поэтому Эриксон (возможно, несколько радикально) предлагает ввести период, который он называет социальным мораторием, то есть период освобождения юношества от обязательной непрерывности перехода к следующему этапу образования, для того чтобы дать время самоопределился в профессиональном отношении, более осознанно и на основе информации осуществить свой профессиональный выбор. Однако понятие старта включает и имплицитные возможности, то есть характеристику личностного уровня, на котором она стартует в жизни: он отмечает важность самостоятельности в юношеском возрасте, проявляющейся в том числе в финансовой независимости от родителей (или, напротив, помощи семьи), подчеркивая зависимость старта от способа воспитания личности. Старт, по Ананьеву, — это уже предпосылка личностной зрелости, которая по всем направлениям ее жизни обеспечивает успешность, продуктивность централь-

ного периода жизни — ее кульминации. Кульминация, согласно Ананьеву, — это момент (период) наивысших жизненных достижений, наиболее продуктивный в профессиональном и ценностном отношении. Рассмотрев период жизненной зрелости личности, Ананьев, фактически первым в России, заложил основу определения и изучения личности взрослого.

Кроме понятия «кульминация», Б. Г. Ананьев ввел в психологию вслед за Рыбниковым понятие «акме» — вершины жизненных достижений. Это понятие оказалось настолько важным и перспективным, что сегодня стало основным в целой новой комплексной области знания — акмеологии как науке о высших личностных достижениях, вершинах профессионализма, зрелости личности. Период кульминации связан с достижением личностной зрелости:

- умственной (интеллектуальной);
- гражданской;
- трудовой.

Центральный период жизни человека — период зрелости — Б. Г. Ананьев характеризует в терминах, близких социологии или социальной психологии, — в терминах осуществляемых личностью социальных ролей, позиций, статусов и т. д. Этот небольшой крен в социологизацию был вполне объясним атмосферой того периода, в который писал свой труд ученый. «Бархатная» революция началась с появления (особенно интенсивного развития в Ленинграде, сейчас — Санкт-Петербурге) так называемой конкретной социологии, которая обратилась с весьма скромными исследовательскими задачами к социальной действительности, на которую закрывал глаза еще доминирующий идеологически и практически исторический материализм. Постепенно она-то и содействовала свержению исторического материализма, превратившегося в противоречащую социальной действительности утопию. В анализе кульминационного периода в жизни личности Ананьев почти вплотную подходит к ее пониманию как субъекта жизни: «Человек, однако, не является пассивным продуктом жизненной среды или жертвой генетических сил. Создание и изменение обстоятельств современной жизни собственным поведением и трудом, образование *собственной среды развития* посредством общественных связей (товарищества, дружбы, любви, брака и семьи, включение в малые и большие группы — коллективы) — все это проявления социальной активности человека в его собственной жизни» [1, с. 186]. Но стремление структурировать специфику активности человека на виды — познавательный, практический и коммуникативный — раздробило единое понятие субъекта жизненного пути, которое имплицитно присутствовало у Ананьева, на трех субъектов — *субъекта познания, субъекта общения и субъекта деятельности* (последние мы обозначили в порядке альтернативы интегральному понятию субъекта жизненного пути как *дифференциальные* понятия). Последний период жизненного цикла Ананьев называет финишем. Однако при всей краткости

его характеристики само обращение к периоду старости было чрезвычайно важно. Это было важно, во-первых, идеологически, поскольку в социалистическом обществе сама личность признавалась, строго говоря, лишь в качестве рабочей силы, тружеников, героев труда, а потому ее судьба за пределами трудовой жизни общество никак не могла интересовать.

Во-вторых, развившаяся к тому времени за рубежом область геронтологии вообще отсутствовала не только как проблема, но и как понятие в отечественной науке. Именно поэтому труд Б. Г. Ананьева приоткрыл завесу над этой порой жизни человека, ее проблемами и трудностями. Ананьев показал, что этот период жизни отнюдь не характеризуется интеллектуальным упадком, напротив, продолжение профессиональной деятельности сохраняет уровень интеллектуальной и общей активности.

Важнейшим в ананьевской трактовке жизненного цикла было, во-первых, опровержение трактовки возрастных периодов как имеющих жесткие границы. «Ускорение созревания и замедление старения имеют общим эффектом расширение диапазона зрелостных изменений, увеличение времени протекания наиболее активных и продуктивных фаз человеческой жизни» [1, с. 248].

Во-вторых, трактовка периода зрелости, несмотря на то что в ее определение Ананьев включил такие социально-нормативные параметры, как трудовая и гражданская зрелость, связывалась им с развитием индивидуальности, с нарастанием степени индивидуализации в средние годы. Хотя этот тезис он противопоставляет не социальной, а возрастной нормативности, важно само подчеркивание значения индивидуально-типичных особенностей личности, возрастающих в эпоху зрелости личности. «Дело в том, что возрастная изменчивость все более опосредуется индивидуальной изменчивостью, значение индивидуально-типических особенностей человека увеличивается в средние и поздние фазы человеческой жизни» [1, с. 260].

Наконец, третья модель (или периодизация) жизненного цикла связана со сменой форм и уровней развития субъекта познания, субъекта общения и субъекта деятельности. Хотя исторически категория субъекта получила свое философско-методологическое развитие и раскрытие в трудах С. Л. Рубинштейна гораздо ранее (еще в 20-е годы), но в силу того, что все его труды (и наиболее развернутое обоснование категории субъекта) увидели свет начиная с 1973 года, фактически первым слово «субъект» произнес Б. Г. Ананьев и дал на конкретно-теоретическом уровне (а не философско-методологическом, как С. Л. Рубинштейн) его понятийное дифференциальное определение, наполнение: *Ананьев выделил субъекта познания, субъекта деятельности и субъекта общения.*

Это было существенно в целом ряде отношений. Прежде всего, потому, что несмотря на то, что Ананьев не сформулировал точно соотношение личности и этой триады субъектов, тем не менее впервые личность в отечественной психологии стала рассматриваться как субъект. Подразумевалось,

что именно она выступает в качестве субъекта познания, субъекта общения и субъекта деятельности. Далее, это было важно потому, что, хотя авторство принципа единства сознания и деятельности принадлежало С. Л. Рубинштейну, краткий период сотрудничества Б. Г. Ананьева с А. Н. Леонтьевым в разработке психологической структуры деятельности привел к развитию и распространению уже мало имевшего общего с идеями С. Л. Рубинштейна деятельностного подхода, авторство которого связывалось с именем А. Н. Леонтьева. Негативная сторона этой тенденции заключалась, во-первых, в утрате самого субъекта, в превращении деятельности в «саму себя осуществляющую», во-вторых, в вытеснении деятельностью всех других психологических категорий — личности, общения и т. д. — в силу чрезмерной абсолютизации принципа деятельности.

Б. Г. Ананьев тонко различает специфику каждого субъекта и той формы человеческой активности (познание, общение, деятельность), которую реализует, осуществляет каждый субъект. Можно сказать, что выделение этой триады субъектов Б. Г. Ананьевым было важно не столько для характеристики жизненного цикла человека, сколько для создания системного представления о психологии в противоположность варианту ее построения на основе одной категории — категории деятельности.

Чрезвычайно важным было то, что введение Б. Г. Ананьевым понятия «субъект общения» открыло перспективу изучения коммуникативной характеристики сознания и личности. До этого акцент ставился на их деятельностных модальностях. Он подчеркивал, что с точки зрения системных особенностей личности важно получение информации, обеспечивающей коммуникацию, о людях, межличностных отношениях, способах общения.

И хотя мы не находим в его концепции достаточно явно сформулированного определения субъекта жизненного пути, но фактически он имеет его в виду, отмечая сложный и долговременный характер активности субъекта, который обеспечивается достижениями далеко стоящих целей и идей.

Понятие жизненного цикла у Ананьева не тождественно понятию жизненного пути у С. Л. Рубинштейна. Оно является более стандартизированным, поскольку его главной задачей выступало обобщение основных фаз, этапов, периодов жизни человека. Понятие жизненного пути предполагает взаимодействие и взаимовлияние личности и хода ее жизни.

Важнейшей методологической особенностью концепции Б. Г. Ананьева являлось рассмотрение им противоречий. Как мы отмечали выше, З. Фрейд едва ли не единственный указал на наличие противоречия между личностью и обществом, поскольку последнее своими нормами и ограничениями ведет к вытеснению влечений бессознательного «ид».

Многие из зарубежных психологов, напротив, подчеркивали заинтересованность общества в развитии личности (и это в определенной мере могло быть адекватно западноевропейскому или американскому обществу).

В России (Советском Союзе) существовало явное, но никогда не признаваемое официально противоречие личности (сведенной к роли исполнителя) и общества (государства). Хотя принцип противоречий декларировался в официальной философии диалектического материализма, никто из психологов не обращался к нему как к научному методологическому положению.

Именно в таком качестве его и применил Б. Г. Ананьев. Он выделил двоякого рода противоречия: *первое* — в самой сущности личности, в ее *характере*, и *второе* — в *темпах и способе* ее развития.

Ананьев определил характер как возможность разрешать противоречия между желанием и волей, потребностями и поступками личности, в результате чего достигаются и обеспечиваются ее единство и целостность.

На высшем уровне сознанием достигается интегративность личности: *совокупности отношений* к деятельности, другим людям, обобщаясь, складываются, образуя ее сознание, и самосознание, и *рефлексивность* как завершающее свойство характера личности, выражающее ее интегративную сущность.

Внутренняя *противоречивость* развития личности определяется, согласно Ананьеву, неравномерностью (*гетерохронностью*) смены ее состояний. *Ананьев, учитывая временные периоды развития тех или иных способностей (интеллектуальных и др.), считал, что одни в своем развитии опережают другие, тем самым воссоздавая сложную, образующую противоречия между составляющими картину развития.* Завершающим (вершинным) звеном теории Б. Г. Ананьева является его понимание индивидуальности. Он считает, что именно индивидуальность — в определенном отношении замкнутая система составляющих — личности, индивида и субъекта. В индивидуальности, по мнению Ананьева, «как бы замыкается внутренний контур регулирования всех свойств человека как индивида, личности с ее множеством противоречивых ролей и субъекта различных деятельностей» [1, с. 186]. Эта относительно *замкнутая система* встроена в *открытую систему* взаимодействия с миром, в которой образуется определенное взаимодействие тенденций и потенций человека, самосознания и «Я» — ядра человеческой личности. В свою очередь, сознание человека в силу его свойств как открытой и закрытой систем одновременно становится субъективным отражением деятельности и внутренним миром человека. Каждая из этих составляющих является открытой в смысле функционирования и развития, тогда как сам человек переходит от закрытой системы своей индивидуальности к открытой, «внося свой собственный вклад в материальную и духовную культуру своего общества и человечества» [1, с. 194]. Это и есть неповторимый вклад личности в общественное развитие. Здесь взгляд Ананьева на индивидуальность сближается с точкой зрения В. С. Мерлина. Отличие понимания Ананьевым индивидуальности от позиции С. Л. Рубинштейна заключается в том, что последний считал личность интегралом высшего уровня, в котором преобразуются ее индивидуальные свойства.

Если обобщить концепцию Б. Г. Ананьева, то она предстает как сложнейшая многоуровневая полифункциональная система со множеством накладывающихся друг на друга, пересекающихся и перекрывающихся друг друга закономерностей, темпы и этапы развития разных способностей, не совпадая, приходят в противоречие, то, напротив, гармонизируясь, образуют интегральное целое личности.

Было бы упрощением сделать вывод, что Ананьев представлял детально разработанную концепцию личности. Однако можно с уверенностью утверждать, что он позволил преодолеть структурно-субстанциональную статичную модель личности, раскрыв сложнейший контекст ее функционирования и указав на множественность, многокачественность ее проявлений в этом контексте, в деятельности, познании, общении, в жизненном цикле.

Если до Ананьева психологи ограничивались дежурным определением личности как социальной или (иначе) образованной совокупностью общественных отношений (что было простым перефразированием истматовского определения), то благодаря его исследованиям и идеям личность предстала как сложная, многоуровневая система, в свою очередь, сложным образом вписывающаяся в общественную систему. Введенное им понятие жизненного цикла человека дало возможность подойти к исследованию личности во всем многообразии направлений и фаз ее развития.

Ученики школы Ананьева продолжили развитие его идей в различных оригинальных направлениях. Проблемы восприятия человека человеком были поставлены и разработаны его учеником А. А. Бодалевым, который в свое время возглавлял факультет психологии Московского университета. Другим талантливым учеником Ананьева был Б. Ф. Ломов, создавший системный подход в советской психологии, ставший поворотным этапом в ее развитии и интеграции, а также разработавший направление инженерной психологии и психологии управления. Б. Ф. Ломов был создателем и возглавил новый Институт психологии АН СССР, одним из кардинальных направлений которого стало применение системного подхода во многих отраслях психологического знания, а самой психологии — на практике.

Учение Б. Г. Ананьева о кульминационном периоде жизненного цикла человека «акме» легло в основу создания его учениками Н. В. Кузьминой и А. А. Деркачом нового комплексного направления гуманитарного знания о человеке — акмеологии, которое успешно развивается в настоящее время.

Having put forward a chelovekoznanije problem, B. G. Ananyev, also as S. L. Rubenstein, it is implicit and on another, more psychological, level I gave criticism of the provision on three components of Marxism which became classical — the nature, society, thinking. Specifics of ananyevsky approach to the personality consist in two cardinal positions. He considers a problem of the personality from positions of an integrated approach to the person, in the context of a chelovekoznanije, first; it defines the personality in time of a course of life, secondly.

Keywords: anthropology, activity, complex research of the person, personality, theory of the personality.

Список литературы

1. *Ананьев Б. Г.* О проблемах современного человекознания / Б. Г. Ананьев. — АН СССР, Ин-т психологии. — М.: Наука, 1977. — 379 с.
2. *Ананьев Б. Г.* Психологическая структура человека как субъекта / Б. Г. Ананьев // Человек и общество. — Л., 1967. — Вып. 2.
3. *Пиаже Ж.* Психология, междисциплинарные связи и система наук: матер. XVIII Международного психологического конгресса (Москва, 4–11 августа 1966 г.). — М., 1966. — 40 с.

В. Н. Воронов, Г. М. Ипполитов, Т. В. Филатов

Некоторые аспекты феномена российской Гражданской войны (1917–1922 годы) в зеркале исторической психологии (опыт осмысления мемуарной литературы как эго-документа)

Настоящая статья является логическим продолжением статьи авторов «Эго-документы как историко-психологический источник исследования проблематики Гражданской войны в России (1917–1922 годы)» (Мир образования — образование в мире», 2018, № 3). Теперь исследуются мемуары в качестве эго-документов, несущих в себе большой, в первую очередь фактографический потенциал для выявления историко-психологических граней феномена российской Гражданской войны. Высказываются авторские дискуссионные суждения о роли и месте мемуаров как источников исследования некоторых историко-психологических аспектов исторического феномена Гражданской войны в России. При этом авторы исходят из того, что историческая психология является интегративной научной дисциплиной и методология историко-психологических исследований отличается повышенной сложностью.

Ключевые слова: эго-документы, историческая психология, мемуары, историко-психологический источник, Гражданская война в России, Белое движение, субъективизм, Л. Февр, А. Г. Шкуро, А. И. Деникин.

Исходные посылки

1. Современный уровень накопления знаний в сфере гуманитарных наук показывает, что эго-документы служат своеобразным источником для исследования проблем, дополнительным средством восстановления исторической правды, так как расширяют свидетельства, восполняют недостающие звенья. Обращение с ними требует предельной внимательности, научной порядочности, беспристрастности со стороны исследователя; умения использовать вполне конкретные приемы, навыки, методы и принципы работы, иными словами, современной методологии исследования [16]. Разнообразности эго-документов (мемуары, дневники, эпистолярные) отличаются своеобразностью, что не прошло незамеченным в научной литературе [22].

Но исследователя должна интересовать их объединяющая черта — обращение авторов эго-источников в прошлое посредством личных воспоминаний. Причем путешествие по волнам памяти, конечно, в первую очередь свойственно мемуаристам. Ведь письма и дневники часто отражают своеобразие текущего момента в том историческом пространстве и во времени, в котором находится их автор. Лишь только для поздних исследователей дневников, писем они воистину становятся литературным артефактом прошлого.